

Хийтольские помещики Сиверсы.

Деревня Пукинниemi сейчас относится к Ленинградской области и называется Берёзово. Эта деревня всегда была яблоком раздора и переходила из одного погоста в другой. Впервые она упоминается в писцовой книге 1500 года. Тогда она относилась к Городенскому Воскресенскому погосту, административный центр которого был в г. Корела. На её территории тогда были деревни Коврола, Копсала, Лутьянова Гора над лахтою (т. е. заливом) и Опарин Наволок. В 1568 г. этими деревнями владел «Иван князь Ондреев сын Мещерский».

Во время шведской власти в XVII в. территория Пукинниemi уже входила в Тиврольский погост, административный центр которого бы в Тиурула. В налоговой книге 1618 г. упоминаются деревни Копсала, Оппаринниemi и Тергиниemi. Дальше в поземельной книге северного Кексгольмского лена 1637 г. упоминаются деревни Копшола и Опарин Наволок. В первой жили Иванко Нестерова, Маты Кивруя, рейтар Петар Ганнукин. Во второй – Урянка Оплыев, Анты Пергунен и Питарко Пергунен. Судя по именам, в это время примерно треть населения были карелы, остальные финны.

Места это были тихие, спокойные. Правда рядом были лососевые промыслы в Асила (так тогда назывался нынешний Асилан), но в общем ничего примечательного в Пукинниemi не было до 1726 г. В это время здесь снова была территория России. Деревня Пукинниemi входила в Хийтольскую волость. 8 января 1726 г. Екатерина I пожаловала земли в Пукинниemi Петру Ивановичу Сиверсу. Кто же такой был П. И. Сиверс?

Начнем с истории. В 1721 подписанием Ништадского мира окончилась Северная война. Территория Лахденпохского района вернулась в состав России. Шведские землевладельцы лишились своих прав и появились новые землевладельцы – русские. Некоторые из них были весьма знамениты. Другие много сделали для благосостояния района. Одной из таких семей землевладельцев были Сиверсы.

Петр Иванович Сиверс поступил на службу в русский флот капитаном в 1704 г. В то время флот только создавался, своих специалистов не было, и по поручению Петра I их искали по всей Европе. Служил Сиверс исправно и в 1716 г. уже командовал небольшой эскадрой из 13 судов. Сиверса очень ценил адмирал Апраксин. В 1719 г. Сиверс командовал головным кораблем «Гангут» в составе эскадры под командованием самого Петра, который был о Сиверсе высокого мнения.

В 1720 г. Сиверс командует Котлинской эскадрой и занимается устройством Кронштадтских укреплений и порта. В 1721 г. Сиверс становится членом Адмиралтейств-коллегии – органа управления русским флотом.

Отношения Сиверса с Петром I хорошо характеризует следующий случай. Во время больших маневров в 1721 г. они были вместе на корабле «Гангут». Петр посчитал, что флотские офицеры плохо выполняли маневры и потребовал от Сиверса их строго наказать, на что тот так горячо спорил, что присутствующие не могли надивиться терпению Петра, который лишь спокойно возражал ему. 22 октября 1721 г. Сиверс был произведен в контр-адмиралы. В 1724 г. Петр назначил его главным командиром кронштадтского порта с возложением на него обязанностей руководить постройкой канала и доков.

После смерти Петра Екатерина I продолжала благоволить Сиверсу. 8 января 1726 г. ему в награду за службу был пожалован Гидельский (Хийтольский) погост в Кексгольмском

уезде. В 1727 г. он получил чин полного адмирала и стал вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, а после смерти адмирала Апраксина в 1728 г. стал ее президентом.

Однако в 1730 г. русской царицей становится Анна Иоанновна, а вице-канцлером – граф Остерман, который был во вражде с Сиверсом. В 1732 г. выходит Высочайший указ об отрешении от службы адмирала Сиверса и детей его с повелением жить в Кексгольмских пожалованных им деревнях.

Сиверс становится Хийтольским помещиком. В 1740 г. он сильно заболел и получил разрешение приехать в Петербург для лечения, где и умер. Похоронен Сиверс в своем имении в Пукинниemi (сейчас п. Березово Приозерского района).

Интересная деталь из биографии Сиверса. Во время Северной войны одним из лучших шведских адмиралов был Нумерс. Затем он попал в русский плен и осел в России. Сиверс женился на его дочери Софии, которой после его смерти достались имения в Хийтола.

Софии Сиверс (Нумерс) принадлежали 128 дворов в семи поселках Хийтольского погоста. У Сиверса и Софии в 1717 г. родилась дочь, которую называли Анна Констанция София. В 1760 г. именно ей достались все Хийтольские поместья. Это были земли на территории современных поселков Ильме, Пукинниemi (Березово), Тиурула. В 1745 г. она вышла замуж за Иоганна Абрагам фон Скотта. Умерла она в 1778 г. и тоже была похоронена в своем поместье в Пукинниemi.

В 1757 г. у них родился сын Карл Иозеф Скотт, к которому впоследствии перешли их земли. Барон Скотт принимал живое участие в жизни местных жителей. Он постоянно жил в своем имении в Ильме и в 1777 г. В честь своего брака с Ульрикой Элеонорой Вебер построил там новую лютеранскую церковь во имя св. Анны, которая сохранилась до наших дней. В 1779 г. у них родилась дочь Анна Констанция Шарлота Скотт.

Ульрика Элеонора поддержала традицию Скоттов и в 1785 г. построила новую православную церковь в другом своем имении – Тиурула. В дальнейшем Анна Скотт вышла замуж за Алексея Даниловича Копиева, к которому и перешли земли Сиверсов-Скоттов.

В 1809 г. в результате очередной войны со Швецией Финляндия вошла в состав России под названием – Великое княжество Финляндское. В 1811 г. к Великому княжеству была присоединена и Выборгская губерния, в которую входила Хийтольская волость. Близость Санкт-Петербурга вызвала развитие сельского хозяйства на этих землях. Появились богатые финские помещики, которые старались скупить эти земли у их владельцев. В 1812 г. потомки Сиверса продали свои имения в Ильме и Пукинниemi известному богачу Густаву Маури Армфельту.

Судьба хийтольских помещиков Сиверсов хорошо отражает историю наших мест в период с 1721 по 1811 гг. Будучи сначала местом ссылки, эти земли полюбились потомкам ссыльного адмирала. Последние не только много сделали для развития сельского хозяйства, но и заботились о нуждах местных жителей арендаторов – финнов. Они уважали любое вероисповедание и в Ильме, где преобладали лютеране, построили лютеранскую церковь, а в Тиурула, где преобладали православные, – православную. В Тиурула был также организован сиротский приют и приходская школа.

Но присоединение к Великому княжеству Финляндскому изменило привычный образ жизни и потомки Сиверсов, как и многие другие, переехали в Россию, а некоторые – далее в страны Европы. В мае 2005 года из далекого Парижа приехали супруги Никольские в поисках родового поместья Сиверсов. Предки Алексея Никольского, восходящие к клану Сиверсов, эмигрировали во Францию и все эти годы свято хранили семейную историю, величайшую любовь к России и к русскому языку, которым они великолепно владели. Сотрудники Куркиёкского краеведческого центра помогли найти Никольским те дорогие места, которые были связаны с родом Сиверсов. В свою очередь Никольские поделились ценными знаниями о своем роде, которые передавались в семье из поколения в поколение.

Дальнейшая судьба Пукинниemi (Берёзово).

В 1812 г., как было сказано в предыдущей статье, графиня Аделаида Армфельт, супруга капитана Магнуса Рейнолда Армфельта, купила имение Пукинниemi, но вскоре продала его канцелярскому советнику Юлиусу Экману, который и жил там до последних своих дней. Он похоронен на старом кладбище в Хийтола.

После Экмана хозяином Пукинниemi стал советник по земледелию Эдвард фон Эссен, который был типичным традиционным хозяином, но немножко оригиналом. Рассказывали, что он очень любил кресла-качалки, и специальная качалка была в каждой комнате, а в столовой даже вокруг стола: гости должны были есть, раскачиваясь на них. Эдвард фон Эссен построил в 1880 году на берегу Ладоги, прямо на мысу Оппариниemi, новое 11-комнатное здание в стиле, который был подражанием стилю архитектора Энгеля. Он также разбил парк и привел в порядок сельскохозяйственные угодья, так что во времена следующего владельца, коммерческого советника Лаури Халлмана, имение оставалось образцовым в плане сельского хозяйства. Управляющим тогда был П. Й. Бломквист.

В имении был такой девственный лес, что, когда уже во времена сына Лаури, профессора Ниило Халлмана, проводились лесоводческие работы, лесовод сказал: «Надо бы получить по крайней мере пять миллионов марок с этого леса, тогда только лучшие деревья начнут расти». Рассказывают, что Халлман ему ответил на это: «Если деревьям достаточно места, чтобы расти в лесу, не клейми их, а если места уже не хватает, тогда клейми».

Имение Пукинниemi было выкуплено государством уже в 1873 г., так что тамошние жители могли объединиться и сами выкупить земли у государства. Срок выкупа был 39 лет. Но в усадьбе Пукинниemi оставалось еще 759,24 гектара земли, из которых пахотных земель было 108,86 га, лугов 8,88 га, приспособленных под пастбища 15 га, лесов 596 га и еще свободных 30 га.

В 1930 году в имении было 7 лошадей, 50 коров, 2 быка и прочий скот. Хлев был оснащен водопроводом, и при нем был современный свинарник. Электрификация Карелии была в то время еще далеко не окончена, но в усадьбе Пукинниemi был свой генератор на основе двигателя внутреннего сгорания.

По суше деревню Пукинниemi окружали Каукола, Сирсъярви, Липпола и Копсала. Участки леса Пукинниemi и площади между Пукинниemi и станцией Ойаярви в той половине столетия довольно плотно заселили рабочие, которые зарабатывали себе на хлеб, работая обходчиками и грузчиками на железной дороге или – на вырубке и сплаве леса.

Среди прочих жителей деревни можно упомянуть интересные специальности. Анни Руммукайнен, Миина Икяляйнен и Анна-Марья Ийяс были знахарками, Юхо Скюття – коновалом, а Анни Оваска – повивальной бабкой. Видно, с врачами тогда было плохо. Были в деревне свой портной и сапожник.

переименована в Берёзово. В усадьбе инженерно-строительного института.

Молодежь устраивала деревенские танцы, вечеринки и летние катания на качелях. А любимым развлечением было ходить на станцию и встречать проходящие поезда.

Из прибрежной деревни Пукинниemi, непосредственно с территории усадьбы и ее окрестностей, местным жителям открывался такой вид, красивее которого, наверное, нет в целом мире!

После 1945 г., когда эти земли вошли в состав СССР, Пукинниemi оказалась на территории Ленинградской области и была размещен дом отдыха Ленинградского

Усадьба Лускала. Историческая информация (От Сиверса до Рериха).

Сейчас это территория дачного строительства и активного туризма. На Пукинниemi сооружен причал, с которого вдоль побережья Ладоги отправляются туристические экскурсии на ялах.

Страница подготовлена сотрудниками Куркиёкского краеведческого центра.

Добрый человек из Терву.

С конца XIX века усилиями Грипенбергов (см. «Жирьяж», выпуск 28 в «Призыве» № 9 от 11 марта) поселок Терву (Куркиёкское поселение) стал образцом ведения сельского хозяйства. Здесь была мельница, маслозавод и производство сыра. В 1914 г. это поместье купил Самуил Лазаревич Гуревич. Стоило он по тем временам необычайно дорого, но это было лучшее хозяйство в Приладожье. Кто же был этот богач, который сумел его приобрести?

С. Л. Гуревич родился в 1861 или 1862 году в Польше, закончил Житомирскую гимназию, а потом развил широкую купеческую и сельскохозяйственную деятельность. Он был огромного роста, отличался недюжинной силой. В 1900 году вместе с младшим братом Львом он приобрел большое имение Корен на польско-русской границе. Вероятно, Гуревичи хорошо разбирались в сельском

хозяйстве, поскольку имение скоро стало образцовым. В 1913 г. Гуревич продал его с большой выгодой.

Интерес Гуревича не ограничивался сельским хозяйством. В 1914 г. он основал макаронную фабрику в Петербурге (сейчас называется 1-я макаронная фабрика). Но сам он предпочитал жить в сельской местности. В 1914 г. он покупает образцовое имение в Терву. Для управления он создает акционерное общество. Кроме Гуревича акциями владели его друзья и родственники. Гуревич постоянно жил в Терву, в его имении всегда было много гостей.

После октябрьской революции 1917 года Финляндия стала независимым государством. Гуревич лишился своей собственности в России, но сохранил имение в Терву, оказавшееся тогда на территории Финляндии. Ему удалось сохранить и часть своих капиталов. После этого начинается удивительная страница его жизни. Имение в Терву становится убежищем для многих эмигрантов из России. Среди них – выдающиеся люди, такие, как писатель Леонид Андреев, художник и философ Николай Рерих и другие.

Прекрасно предстает он в воспоминаниях Леонида Андреева: «6 сентября 1818 г. Вчера свалил с плеч некоторую обузу. Добрый еврей С.Л. Гуревич, богач, тогда еще не знакомый со мною, прислал мне аккредитив на 10 тысяч марок. Так вот, вчера я отослал аккредитив обратно – конечно, с любезным письмом. Тяготит меня всякая зависимость, а денежная наипаче. Самолюбив я, должно быть, не выношу, когда кто-нибудь может хоть в мыслях считать себя моим благодетелем».

А в ответном письме Гуревичу Андреев пишет:

«Многоуважаемый Самуил Лазаревич!

Ваша редкая доброта и любезность глубоко тронули меня. Не знаю, как другие мои товарищи-литераторы, но про себя должен сказать, что за всю мою довольно длинную жизнь я впервые встречаю столь чуткое, доверчивое и благородное отношение от человека, который знает меня лишь как писателя, и ничем лично со мною не связан. По существу же вопроса скажу следующее.

В настоящее время и на ближайшие месяцы я обеспечен, и если общероссийский кризис скоро разрешится, я в состоянии буду обойтись без предлагаемого Вами займа. ...что нисколько не уменьшит моего чувства глубокой благодарности. Ведь важно не то, что я сейчас пользуюсь этими деньгами, а то, что они в известной степени уменьшают мою тревогу за темное будущее и дают лишнюю опору для борьбы за свою духовную независимость.

Ибо журнальную работу при настоящих условиях, когда дикий произвол, большевистский террор и цензура не дают возможности сказать правдивое и искренне слово, я считаю невозможной и недопустимой. Мне жаль товарищей, которых голод принуждает терпеть этот гнет и издевки, и ни слова осуждения я никогда не скажу о них, но сам я до последней, до крайней возможности хочу избежать их горькой участи. В сущности, ни при каких условиях не стал бы я работать (при большевиках) при теперешней цензуре, но эта решимость, естественно, не позволяет мне смотреть в будущее свое и своей семьи веселыми глазами.

Отсюда понятно, какую услугу оказываете Вы мне, и какое чувство должен я испытывать к Вам. ... Крепко жму Вашу руку и надеюсь, что скоро мне удастся сделать это в действительности».

В дневнике дальше размышляет: «Все говорят о необходимости бегства, и никто не знает, надо бежать или нет. Жалуют запасы, имущество. Я также ничего не знаю. И куда бежать? Конечно, к Гуревичу в Тервус (на Ладожское озеро), но как это трудно. И ведь все может пропасть: дом, картины, книги, письма и фотографии — воистину останусь гол».

В начале июля 1919 года, обращаясь к Гуревичу, Андреев просит помочь найти ему домик в пределах 50 тысяч марок и пишет в дневнике: «А Тервус? Эх, и хочет душа в рай, да грехи не пускают. Но о поездке мечтаю, и как только гроза военной непогоды перейдет в тихий дождичек, прискачу в Тервус».

1 августа жена Андреева пишет свекрови: «Мамашенька, живется нам здесь замечательно хорошо. Помещение отдельное, великолепное. Есть лодки и моторы. Сегодня ездила с Леонидом на остров, ходили босыми по камням — все это как шхеры, пожалуй, еще лучше. Леонид начинает осваиваться...»

14 августа Андреев пишет Карташову А.: «Лихое нездоровье задержало меня в Тервусе, и я смогу приехать в Гельсинфорс только в конце будущей недели... Очень хочу поговорить с Вами. Опасаюсь, что в устах С.Л. Гуревича, который меня любит и дружески горячо отстаивает мои интересы, характер моих планов и намерений принял не совсем точную окраску».

В письме от 4 сентября Рериху он сообщает: «...Было в Гельсинках одно радостное впечатление, до сих пор вызывает улыбку: это красное солнце, подобное сияющей физиономии Гуревича, который встречал меня на вокзале... Он сиял и, залив меня светом, мгновенно умчался на стокгольмский пароход, который уже уходил. А у самого дела плохи и забот множество. На днях продан Тервус, Тумаркины ищут квартиру».

10 сентября Андреев напишет последнее письмо Николаю Рериху, в котором есть такие три строчки: «За Ваше милое внимание и заботу — благодарность от сердца. Если я совсем не пал духом и начинаю бодриться, то это делаете Вы (и Гуревич)».

В октябре в Терву гостил и Н.К. Рерих. На встречу с ним приезжал и Андреев. Рерих много путешествовал по Ладожскому озеру, природа которого его покорила. Он оставил несколько зарисовок окрестностей Терву, а одну из них с видом на Линнасаари он сделал сидя на террасе

имения Гуревича.

Но Гуревич помогал не только знаменитым людям. Множество простых людей, попавших в беду, писали ему и получали от него помощь.

Вот примеры таких писем:

«19.08.1918. Глубокоуважаемый г. Гуревич. Деньги 1400 финских марок мною получены. Очень благодарю Вас за Вашу любезность и хлопоты о нас».

«23 октября 1918 г. Многоуважаемый Самуил Лазаревич. Надеюсь на Ваше доброе сердце и отзывчивость и на Ваше неоднократно высказанное желание помочь лицам, которые желали бы спастись из Петрограда, переехав каким-либо способом в Финляндию, спешу сообщить Вам, что такое общество теперь составилось и приступило к собиранию необходимых средств для помощи русским беженцам (без различия национальности), желающим спастись из Петрограда. Надеюсь, что Вы примете участие в этом добром деле».

«22 марта 1919 г. Многоуважаемый Самуил Лазаревич. Зная Вашу безграничную доброту и имея в виду, что вы состоите членом комитета покровительствующего русским, беру на себя смелость просить Вас оказать означенной особе с маленьким сыном материальную помощь в какой-либо форме».

«6 августа 1919. Глубокоуважаемый Самуил Лазаревич. Препровождая Вам расписки в получении госпожой Покровской пожертвованных Вами денег, прошу не отказать уведомить, предполагаете ли Вы в будущем оказывать такую же поддержку для уплаты в больницу за ее больную мать».

Пока Гуревич в Финляндии старался помогать русским беженцам, его сын пошел добровольцем в армию Деникина: «30 сентября 1918 г. Господину капитану В.В. Самсонову. Милостивый Государь. Получил ваше отношение от 25 сентября за № 2561, адресованное сыну моему добровольцу Б. Гуревичу явиться к Вам для командировки в Северо-Западную Армию. Считаю нужным сообщить Вам, что сын мой учился в Нью-Йоркском университете, откуда специально приехал, чтобы поступить инструктором в нашу армию. После выступления большевиков он переехал в Финляндию и записался добровольцем, но, не получив приглашения, он согласился сопровождать зафрахтованный пароход для армии генерала Деникина и намерен по прибытию в Новороссийск поступить в ряды армии генерала Деникина».

Гуревич старался помочь всем обездоленным, но у него самого дела были плохи. В независимой Финляндии был принят закон, по которому владеть недвижимым имуществом могли только граждане страны. Получить гражданство русским было необычайно сложно и большинство из них, владевших собственностью, было вынуждено расстаться с ней за бесценок. Гуревич также был вынужден продать свое имение в августе 1919 г. общине Куркийоки, после чего большая часть земли была продана крестьянам, а в поместье были организованы сиротский приют и дом для престарелых. В этом же году умерла жена Гуревича Берта Осиповна.

В 1919 г. Гуревич уехал в Варшаву, Тумаркин в США. В 1939 году С.Л. Гуревич умер, а его вторая жена и сын погибли в варшавском гетто.

Игорь Петров.